* * *

Конечно же, это всерьёз –
Поскольку разлука не в силах
Решить неизбежный вопрос
О жизни, бушующей в жилах,
Поскольку страданью дано
Упрямиться слишком наивно,
Хоть прихоть известна давно
И горечь его неизбывна.

Конечно же, это для вас –
Дождя назревающий выдох
И вход в эту хмарь без прикрас,
И память о прежних обидах,
И холод из лет под хмельком,
Привычно скребущий по коже,
И всё, что застыло молчком,
Само на себе непохоже.

Конечно же, это разлад
Со смутой, готовящей, щерясь,
Для всех без разбора, подряд,
Подспудную морось и ересь,
Ещё бестолковей, верней –
Паскуднее той, предыдущей,
Гнетущей, как ржавь, без корней,
Уже никуда не ведущей.

Конечно же, это исход
Оттуда, из гиблого края,
Где пущены были в расход
Гуртом обитатели рая, –
Но тем, кто смогли уцелеть,
В невзгодах души не теряя,
Придётся намаяться впредь,
В ненастных огнях не сгорая.

* * *

Тирсы Вакховых спутников помню и я,
Все в плюще и листве виноградной, –
Прозревал я их там, где встречались друзья
В толчее коктебельской отрадной.

Что житуха нескладная – ладно, потом,
На досуге авось разберёмся,
Вывих духа тугим перевяжем жгутом,
Помолчим или вдруг рассмеёмся.

Это позже – рассеемся по миру вдрызг,
Позабудем обиды и дружбы,
На солёном ветру, среди хлещущих брызг,
Отстоим свои долгие службы.

Это позже – то смерти пойдут косяком,
То увечья, а то и забвенье,
Это позже – эпоха сухим костяком
Потеснит и смутит вдохновенье.

А пока что – нам выпала радость одна,
Небывалое выдалось лето, –
Пьём до дна мы – и музыка наша хмельна
Там, где песенка общая спета.

И не чуем, что рядом – печали гуртом,
И не видим, хоть, вроде, пытливы,
Как отчётливо всё, что случится потом,
Отражает зерцало залива.

* * *

Багровый, неистовый жар,
Прощальный костёр отрешенья

От зол небывалых, от чар,
Дарованных нам в утешенье,
Не круг, но расплавленный шар,
Безумное солнцестоянье,
Воскресший из пламени дар,
Не гаснущий свет расставанья.

Так что же мне делать, скажи,
С душою, с избытком горенья,
Покуда смутны рубежи,
И листья – во влажном струенье?
На память ли узел вяжи,
Сощурясь в отважном сиянье,
Бреди ль от межи до межи,
Но дальше – уже покаянье.

Так что же мне, брат, совершить
Во славу, скорей – во спасенье,
Эпох, где нельзя не грешить,
Где выжить – сплошное везенье,
Где дух не дано заглушить
Властям, чей удел – угасанье,
Где нечего прах ворошить,
Светил ощущая касанье?

* * *

Ты думаешь, наверное, о том
Единственном и всё же непростом,
Что может приютиться, обогреться,
Проникнуть в мысли, в речь твою войти,
Впитаться в кровь, намеренно почти
Довлеть – и никуда уже не деться.

И некуда бросаться, говорю,
В спасительную дверь или зарю,
В заведомо безрадостную гущу,
Где всяк себе хозяин и слуга,
Где друг предстанет в облике врага
И силы разрушенья всемогущи.

Пощады иль прощенья не проси –
Издревле так ведётся на Руси,
Куда ни глянь – везде тебе преграда,
И некогда ершиться и гадать
О том, кому радеть, кому страдать,
Но выход есть – и в нём тебе отрада.

Не зря приноровилось естество
Разбрасывать горстями торжество
Любви земной, а может, и небесной
Тому, кто ведал зов и видел путь,
Кто нить сжимал и века чуял суть,
Прошедши, яко посуху, над бездной.

* * *

Всё дело не в сроке – в сдвиге,
Не в том, чтоб, старея вмиг,
Людские надеть вериги
Среди заповедных книг, –
А в слухе природном, шаге
Юдольном – врасплох, впотьмах,
Чтоб зренье, вдохнув отваги,
Горенью дарило взмах –
Листвы над землёй? крыла ли
В пространстве, где звук и свет? –
Вовнутрь, в завиток спирали,
В миры, где надзора нет!

Всё дело не в благе – в Боге,
В единстве всего, что есть,
От зимней дневной дороги
До звёзд, что в ночи не счесть, –
И счастье родного брега
Не в том, что привычен он,
А в том, что устав от снега,
Он солнцем весной спасён, –
И если черты стирали
Посланцы обид и бед,
Не мы ли на нём стояли
И веку глядели вслед?

* * *

Те же на сердце думы легли,
Что когда-то мне тяжестью были, –
Та же дымка над морем вдали,
Сквозь которую лебеди плыли,
Тот же запах знакомый у свай,
Водянистый, смолистый, солёный,
Да медузьих рассеянных стай
Шевеленье в пучине зелёной.

Отрешённее нынче смотрю
На привычные марта приметы –
Узкий месяц, ведущий зарю
Вдоль стареющего парапета,
Острый локоть причала, наплыв
Полоумного, шумного вала
На событья, чтоб, россыпью скрыв,
Что-то выбрать, как прежде бывало.

Положись-ка теперь на меня –
Молчаливее вряд ли найдёшь ты
Среди тех, кто в течение дня
Тратят зренья последние кошты,

Сыплют в бездну горстями словес,
Топчут слуха пустынные дали,
Чтобы глины вулканный замес
Был во всём, что твердит о печали.

Тронь, пожалуй, такую струну,
Чтоб звучаньем её мне напиться,
Встань вон там, где, встречая весну,
Хочет сердце дождём окропиться,
Вынь когда-нибудь белый платок,
Чтобы всем помахать на прощанье,
Чтоб увидеть седой завиток
Цепенеющего обещанья.

* * *

Ты, душа, влеченья не скрывала
К берегам, где встарь уже бывала.
К берегам, где издавна томится
Всё, что днесь то вспомнится, то снится,
К берегам, где волю славит лира,
К берегам, где скоро будет сыро,
К небесам, где музыка витала,
К облакам, рассеянным устало.

Ты, душа, упряма в этой тяге –
Дни пройдут, и власти сменят стяги,
Не застынут вести на пороге,
Подоспеют новые итоги,
Выпьют вина, слитые во фляги,
Не просохнут строки на бумаге, –
А тебя попробуй удержи-ка,
Узелок незримый развяжи-ка.

Ты, душа, беспечна в этой блажи,
В раж вошедши, празднична – и даже
Хороша в движении к истокам,
В этой смеси запада с востоком.
В этом сплаве севера и юга,
За чертою призрачного круга,
Где тропа спасительная слово
Из ненастья вывести готова.

* * *

Страны разрушенной смятенные сыны,
Зачем вы стонете ночами,
Томимы призраками смутными войны,
С недогоревшими свечами
Уже входящие в немыслимый провал,
В такую бездну роковую,
Где чудом выживший, по счастью, не бывал, –
А ныне, в пору грозовую,

Она заманивает вас к себе, зовёт
Нутром распахнутым, предвестием обманным
Приюта странного, где спящий проплывёт
В челне отринутом по заводям туманным –
И нет ни встреч ему, ни редких огоньков,
Ни плеска лёгкого под вёслами тугими
Волны, направившейся к берегу, – таков
Сей путь, где вряд ли спросят имя,
Окликнут нехотя, устало приведут
К давно желанному ночлегу,
К теплу неловкому, – кого, скажите, ждут
Там, где раздолье только снегу,
Где только холоду бродить не привыкать
Да пустоту ловить рыбацкой рваной сетью,
Где на руинах лиху потакать
Негоже уходящему столетью?

* * *

Любовь, зовущая туда,
Где с неизбежностью прощанья
Не примиряется звезда,
Над миром встав, как обещанье
Покоя с волею, когда
Уже возможно возвращенье
Всего, что было навсегда,
А с ним и позднее прощенье.

Плещась листвою на виду,
Лучась водою, причащённой
К тому, что сбудется в саду,
Что пульс почует учащённый
Того, что с горечью в ладу,
Начнётся крови очищенье
И речи, выжившей в аду,
А там и новое крещенье.

Все вещи всё-таки в труде –
Не предсказать всего, что станет
Не сном, так явью, но нигде
От Божьей длани не отпрянет, –
На смену смуте и беде
Взойдёт над родиною-степью
Сквозь россыпь зёрен в борозде
Грядущее великолепье.

* * *

Звёзды мерцают над садом и кровом –
Нечего ждать от юдоли
Кроме сиянья – не славы ль над словом? –
Надо бы сдержанней, что ли.

Как бы подняться и разом укрыться
Там, в этой бездне алмазной?
С кем бы обняться и где бы забыться
Здесь, в темноте безотказной?

Где безопасней и где беспокойней –
Здесь ли, где гаснет преданье?
Там ли, где явь, пусть земной и достойней,
Словно сплошное гаданье?

Некуда плыть мне и некого помнить
Там, в Океане Сварожьем, –
Надо бы сердце надеждой исполнить
Здесь, над степным бездорожьем.

Надо бы душу сберечь напоследок –
Век не ведёт к покаянью, –
Батько мой Орий, старинный мой предок,
Встань за незримою гранью!

Вряд ли когда-нибудь вновь повторится
Путь, что вдали остаётся, –
Всё, что не вправе врагам покориться,
Кровным родством отзовётся.